

Любовь ЛИХОМАНОВА

ИДЕНТИФИКАЦИЯ БАБКИ ГРУНИ

Былинка

Дело было в девяностых годах. У бабки Груни случилась «загвоздка». Загремел в больницу её благоверный — муж Федор. Да не в простую районную лечебницу, а аж в самую областную.

Неделю назад возвратился Фёдор Иванович из леса с корзиной молодых опёнков, с трудом поставил её на лавку, со стонами ушёл в летнюю горенку и уже не поднимался с кровати. Занедужил, занемог так, что «фелшарица» Галка вызывала скорую из райцентра. За два часа, что добиралась до их деревни медицинская помощь, Агриппина Тимофеевна раз пять принималась причитать, «как она одна-ти жить станёт, коли деда не будёт», и эти же пять раз окорачивала себя и называла «дурой набитой» за эдакие мысли. Дед тихонько стонал и всё просил пить, Галка не разрешала, потому как подозревала у больного заворот кишок. Когда карета скорой увезла старика в район, баба Груня сначала поплакала, в который раз ещё попрочитала, потом зажгла лампадку в красном углу и остаток вечера молилась пресвятой Богородице о выздоровлении супруга.

В больнице районного масштаба не оказалось нужного специалиста, чтобы прооперировать пациента, и уже другая скорая, с мигалкой и сиреной, доставила деда Федора в область. Операция прошла благополучно, о чём бабе Груне сообщили из сельсовета, куда в свою очередь позвонили из больницы. Надо было ехать к больному, чтобы привезти самые необходимые для поправки вещи: рыбное-мыльное, постельное бельё, одежду, тапочки и прочие «прибамбасы», так как времена стояли нелёгкие и полное самообеспечение больных было обыденным делом. Единственный сын стариков Колька давно жил «за тридевять земель» в большом сибирском городе с женой и двумя детьми, поэтому выходило, что ехать проведать больного и свезти «котомку», кроме бабки Груни, было некому.

Собрав нехитрый дедов скарб, Агриппина Тимофеевна присела на стулик у открытого в тихий деревенский вечер окошка и призадумалась. В районной-то городок, хоть и нечасто, но она езживала, и всё там ей знакомо, а вот в областном центре, почитай, лет двадцать не бывала. Поди, всё переменялось... Она достала из-под клеёнки на столе клочок бумаги, на котором Сонька, секретарша председателя, записала адрес и как добраться до места. «Троллейбус номер четыре до конечной остановки, — прочитала по слогам вслух. — Чё это за машина такая? Не слыхивала, не видывала... Надо будет у Гришки-студента завтрава вызнать, он в этой Вологде в техникуме учится второй год». На том и успокоилась.

Поднявшись на следующее утро с первыми петухами, Агриппина Тимофеевна испекла деду рыбник с палтусиными головами, сварила вкрутую десяток яиц, достала из голбца поллитровую банку сметаны, ещё раз оглядела содержимое сумок и стала собираться в дорогу. Надела яркий с большими нарисованными красными маками платок и такую же яркую красную кофту, в седые волосы аккуратно воткнула гребёнку с нарисованными по краям золотинками. Погляделась в замутневшее от времени зеркало, невзначай вздохнула и вышла из избы. Подоткнув входные двери избы старой, специально приспособленной для обозначения отсутствия хозяев дубовой палкой, резво пошла по пыльной деревенской дороге.

Когда бабка Груня вошла во двор, Гришка только ещё поднялся ото сна, прогулявши вчера полночи с приятелями и подружками. Потягиваясь, он продвигался к умывальнику, прибитому к старому тополю на середине двора, поросшего зелёной травой и мелким клевером. Настроение у парня было великолепное — как-никак, а впереди два месяца каникул — и он радостно поприветствовал раннюю гостью: «Здорово ночевала, баба Груня!»

Агрипина поклонилась и произнесла: «Здоровее видали! А я ить к тебе, касатик! Обскажи-ко мне, удивный, что ето за машина такая в городу-то объявилась — тро-о-олебус?» Гришка удивленно хмыкнул, но легко и весело объяснил: «Это такой автобус, токо с рогами». — «С рогами?! Ты чё, издёваешься, чо ли, над старухой? Мыслимое ли дело — рога у машины? Сказывай, баю, по-черёдному! Недосуг мне с тобой шутки шутить, к деду в больницу надо за дёнь попасть!» Только тут Гришка углядел и бабкин «прикид», и поклажу. «Да точно тебе говорю, с рогами! Она по проводам этими рогами елозит, ток берёт и едет на нём!» — охотно снова объяснил Гришка. «Ну, товда ладно, погляжу, буди, — бабка Груня протянула листочек с адресом. — Топерича ты растолкуй-ка мне, как да чего тут написано».

Гришка заглянул в бумажку и рассказал, где останавливается на улице Мира в Вологде троллейбус номер четыре, как на эту остановку добраться с автовокзала, что ехать надо до конечной, а там больницу как на ладони видно будет. Баба Груня молча выслушала, кивнула головой и пошла было к калитке. Гришка зачерпнул ковшик ледяной воды из ведра, стоявшего рядом с умывальником, и плеснул себе на загривок и голые плечи. «Холодянка» обожгла. Гришка взвизгнул от необычного ощущения и враз повеселел ещё больше.

Когда вернувшись от калитки баба Груня опять спросила: «Милок, а про билет-от я забыла. Где его покупать-то? Кандухторши-та есть тамока, в этой рогатой машине?» — Гришке прилетела в бесшабашную голову шальная мысль. Но он, деловито произнося каждое слово, снова проконсультировал: «Кондукторов, баба Груня, теперь нет, билеты называются абонементными талонами, и продают их на автовокзале и конечной остановке книжечками по десять штук». Агрипина Тимофеевна, поставив на зелёный лужок двора свою поклажу, всплеснула руками: «Вот-ить незадача!! На что десять-то штук, мне токо два талона-ти и надо: туды да обратно... Ковды ишо вдругорядь пойду?» Внутри Гришки уже вовсю резвился «чертёнок», но он держался до последнего: «Дак ты у кого-нибудь попроси продать один талончик. Но талоны те надо компостировать». Баба Груня покачала седой головой в цветастом платке: «Батюшки, опеть неуправа! Компос-от тутока при чём? В яму каку чёли кидать надобно?» Гришка спрятал в кулак улыбку и как можно серьёзнее ответил: «Там, внутри троллейбуса, на стене висит железный жёлтый ящичек, называется — компостер. На нём увидишь щелочку, туда надо положить талончик и нажать на рычажок, который сбоку. Аппарат проделает дырки в талоне — значит прокомпостирует. Если когда пойдёт контролёр, он сверит дырочки на талоне и в аппарате».

От полученной незнакомой информации баба Груня аж взмокла. Утирая носовым платочком выступившие на лбу капельки пота, она охала и ахала, испуганно глядя на студента. И тут Гришка хитро улыбнулся: «Но самое главное-то я тебе ещё не сказал, — произнёс он торжественно. И, напустив на себя важный вид, изрёк: — Баба Груня, ты не городская, поэтому талон твой может не пробиться. Ихние-то пассажиры все занесены в базу данных. Поэтому ты должна идентифицироваться». Агрипина Тимофеевна вскинула удивлённые глаза и проговорила: «Чё, милоч, нада соделать-то? Индифироваться, это как?» Гришка отвернулся к огороду и ответил, едва сдерживая смех: «А это очень просто. Встаешь перед компостером, там в нём сбоку есть отверстие, и называешь в него свою фамилию, имя и отчество, год рождения и место проживания. Компостер всё записывает, и потом нажимаешь ручку, и всё спокойно «дырывается». — «Ну, ладно, вроде поняла я всё, побёгла, а то ишо на автобус опоздаю», — и Агрипина Тимофеевна, подхватив сумки, ходко поковыляла к автобусной остановке на райцентр.

К обеду баба Груня была на автовокзале в Вологде. Спросила про нужную остановку. Добралась до неё. Остановилась передохнуть. Оглядевшись по сторонам, она заприметила невысокого моложавого старичка, державшего в руках небольшую пачечку бумажных прямоугольничков. Взглянув на своё отражение в огромных окнах гостиницы, Агрипина Тимофеевна кокетливо поправила сбившийся головной платок и обратилась к старичку со словами: «Мил человек, не продашь ли ты талончик на рогатый автобус четвёртый номер до больницы доехать, мужа спроведать?» Дедок пожал плечами и протянул ей талончик: «Бери, не жалко! — от протянутой мелочи отказался, махнул рукой: — Иди скорей, вон твой рогатый подошёл!»

Кряхтя и охая, бабка Агрипина взобралась по высокому металлическим ступенькам. Народу в троллейбусе в рабочие часы было немного. Опасливо поглядывая

по сторонам в поисках аппарата для «продырявления», она прошла в заднюю часть салона. Жёлтая коробочка с никелированным рычажком мирно висела, высоко и накрепко привинченная к стене у двери. Под рычажком виднелась круглая дырочка, в которой скрывался какой-то винтик. Баба Груня оглянулась, поднялась на цыпочки, положила талончик в прорезь и, приблизивши лицо к дырке, зашептала, как научил Гришка: «Агриппина Тимофеевна Кузнецова, родилась в двадцать восьмом году, проживаю в деревне Липовик». Затем осторожно попробовала нажать на широкий рычажок с выбитой на нём стрелкой. Рычажок не поддавался. Вспотев от волнения, бабка Агриппина ещё раз окинула взглядом окружавшее её пространство и решила повторить те же слова, только громче. Набрала в лёгкие воздуха и, склонившись к дырке почти вплотную, прокричала: «Приезжая — Агриппина Тимофеевна Кузнецова, родилась в двадцать восьмом году, живу в деревне Липовик, — затем немного подумав, добавила: — Еду к деду в областную больницу», — и опять осторожно нажала на рычаг. С талоном опять ничего не произошло. Зато салон взорвался таким хохотом, что бабка Груня поначалу струхнула...

Пассажирка растерянно-непонимающе смотрела перед собой. С соседнего сидения поднялась улыбающаяся дама средних лет, энергично нажала на рычаг и протянула ей продырявленный талон: «Всё просто, бабушка! А зачем вы разговаривали-то с компостером?» Агриппина Тимофеевна, пожав плечами, развела руками: «Дык Гришка велел личность-то докладывать, я ить нездешная... Вот, паразит-от, оманул баушку!!» По троллейбусу опять прокатилась волна смеха.

Виновица веселья покраснела до самых седых волос и, усевшись в дальний угол заднего сидения, уткнулась невидящим взглядом в пыльное окно. За окном бесконечным потоком проплывали дома, деревья, люди, машины... В другой раз она бы с интересом всё рассматривала, но сейчас, пока троллейбус ехал до конечной остановки, баба Груня прокручивала в голове план наказания студента: «Ну погоди... Ужотка я тя бадогом-то приласкаю!! Будешь знать, как подскрывать над старухой!» Она со своими мстительными думами и остановку «Больница» проехала бы, если бы та не была конечной.

Деда она нашла на удивление быстро, отдала котомки, порасспрашивала о здоровье, успокоилась, что дело идёт на поправку, доложила нехитрые деревенские новости и засобиравшись домой. Про своё «опростоволосение» баба Груня промолчала, не решилась снова оказаться осмеянной. В киоске у остановки она купила книжечку талонов (авось пригодятся!), зайдя в троллейбус, невольно усмехнулась недавнему происшествию, оторвала талончик, положила его в щель и со всей силы лупанула по рычагу компостера.

В Липовик вернулась уже затемно. Проходя мимо Гришкиного дома сердито стрельнула глазами на светящиеся окна, но разборки отложила на завтра, памятуя, что «утро вечера мудренее». Но новое утро принесло новые заботы, и Агриппина Тимофеевна про план мести позабыла. До обеда. А когда к ней заявила почаёвничать и поболтать давняя подружка бабка Манефа, она не удержалась и всё ей рассказала. Сначала Манефа Петровна согласно кивала головой, осуждая беспутного Гришку. Но когда Агриппина во всех подробностях описала, как она «докладалась» в дырочку компостера, вдруг неожиданно для себя прыснула смехом. Баба Груня было строго глянула на подругу, но, натолкнувшись на обезоруживающую добрую улыбку, вдруг расплылась в ответной улыбке. Спустя минуту, товарки уже захлёбывались хохотом. «Нет, ты подумай, какая я дурында-то! С дыркой разговаривала... Всурьёз ведь поверила Гриньке-то..!» — утирая слезящиеся от хохота глаза, сокрушалась Агриппина.

Гришку она встретила через день у колодца. «Как съездила в область, баба Груня? Накаталась на рогатом-то?» — беззлобно улыбаясь, спросил он закручивающую колодезную цепь Агриппину Тимофеевну. «А как жа? И всё, как ты баял, в точности исполнила... Паразит ты эдакой!» — и с этими словами баба Груня вышлеснула на ничего не подозревавшего Гриньку поднятое ведро студёной воды. Взвизгнув от неожиданности, мокрый парень отпрыгнул в сторону. «Так ты чё, баб Груня, поверила мне, что ли? С компостером разговаривала?» — осенила его догадка. И представив всё во всех «красках», Гришка согнулся пополам от переполнявшего его смеха. Следом зашла в истеричном хохоте и сама бабка Груня. Насмеявшись вволю, закрепили они своё перемирие чаепитием из ведёрного самовара с душистым земляничным вареньем. Потому как деревенские — люди незлобивые и отходчивые.